

Ирина ФОМЕНКОВА

СВЕТ В ОКНЕ

Из цикла «Память и беспамятство»

Жаркий полдень 22 июня 1941 года застал Анечку Алёхину в родной деревне Федяево, что на Рязанщине. Из репродуктора, похожего на маленький колокол, на всю деревню прогремела чёрная весть: «Война!»

Через две недели Аня с тремя подругами поехала в Москву, в школу связисток. Запомнился ей длинный затяжной крик провожающих вслед уходящему поезду. Так из века в век голосили перед разлукой славянские женщины.

После двухмесячных курсов 103-я армейская рота в составе 50-ой армии была отправлена на фронт. В роте были только девушки. Аня Алёхина в их числе. Она прошла свою фронтовую дорогу от Москвы через Смоленск, Минск, Гродно, Польшу до Кёнигсберга.

Работа связисток по роду своей главной обязанности – восстанавливать разрушенную связь – чаще всего оказывалась на передовой. Приходилось с тяжёлой катушкой проводов на спине, ползком, извиваясь ужом, в землю вжимаясь, – вперёд! Только чтобы на разных концах провода прозвучали позывные: «Волга!» «Волга!» Я «Чайка!» Приём!». А земля чаще была холодная. Многие девчонки из их роты пережили разные заболевания, но кто тогда об этом думал? И когда командир взвода как-то шутливо спросил Аню: «Ну что, птаха, после войны делать будешь?», – она ответила: «На печке отогреться».

Зимой 1943 года под Смоленском землянка её находилась недалеко от штаба. Аня иногда по утрам украдкой подсматривала, как водитель начальника штаба Миша Горовой после зарядки мускулистыми руками обтирался снегом. В этих движениях жила какая-то своя упорядоченность, обоснованность жизни. Аня невольно улыбалась, тут же спохватывалась, смущённо оглядываясь. А потом смотрелась в сохранившийся осколок зеркала и была довольна своими бровями вразлёт, которые не надо было подкрашивать угольками из печки, как это делали её подружки. Смотрела и тут же вздыхала: только росточком маловата. Между тем Горовой нет-нет

да и заглянет к ним в землянку то спичек попросить, то соли, обдавая при этом Анечку тёплой волной ласкового взгляда. Девчонки ехидничали: «И чего это он такой нехозяйственный?».

И только когда их роту в новеньких белых полушубках и шапках-ушанках построили для нового марш-броска за продвинувшимся на запад фронтом, и они стояли в ожидании последней команды, Михаил стоял - стоял в сторонке, а потом вдруг рванулся отчаянно и поцеловал Аню.

Потом встречи-расставанья редкими короткими вспышками радости озаряли их фронтовую жизнь. Одна из таких встреч – в Гродно горячим июльским днём 1944 года. После освобождения города их роту связи расквартировали в только что освобождённом районе. Дурманил запах сосен и янтарно светящийся на солнце зрелый крыжовник, который они с Мишей собирали в саду с разрешения хозяйки дома. Тогда они и решили, что если будет возможность, то вернутся они в этот город над Неманом после войны.

Весной 1945-го под Кёнигсбергом Аня заболела. Жёсткий мучительный кашель сотрясал её худенькое тело. Воспаление лёгких. Когда она попала в госпиталь, и рядом с таким же заболеванием девушка умерла, она было совсем отчаялась. Но тут Миша – свет в окне! – появился с сияющими от любви глазами и кусочками сбережённого для неё сахара. Он доставал ей молоко и давал пить с маленькими кусочками масла. И она, худющая, с синевой под глазами, выжила, потому что рядом звучал его голос: «Анечка, живи! Милая моя, единственная, живи!».

Ирина ФОМЕНКОВА. [Об авторе.](#)

www.pisateli.by

